

Он шагнул к Фениксу. С каждым движением в пустоте, прямо под его ногами, расцветали белоснежные лотосы, сотканные из самой удачи.

Шаг — и новый цветок.

— Сюй Гуанчэн, неужели ты готов пойти против меня ради смертного, чей век не дольше сотни лет?

Феникс издала пронзительный клич, и лотосы под ногами Сюй Гуанчэна разлетелись прахом. Но он не упал. За его спиной материализовались тысячи длинных мечей; они зависли в воздухе, дрожа и отзываясь гулом на каждое его дыхание.

— Почему бы и нет? Не забывай, я ведь тоже человек.

Он сложил ладони в ритуальном жесте, приветствуя Феникса. В момент поклона между ним и противницей протянулись мириады золотых нитей. Они сплетались в узор более тонкий и запутанный, чем паутина, образуя смертоносный массив.

Эти нити, порожденные истинной первоизданной энергией, таили в себе такую мощь, что любой рядовой практик, коснувшись их, мгновенно сжег бы свою душу.

— «Небо и Земля — горнило, само Творение — кузнец! Инь и Ян — угли, а всё сущее — лишь медь!» — Феникс не скрывала восхищения. — Недурно! В одиночку развернуть Великий массив Тюрьмы Демонов «Медный горн Неба и Земли»... На такое способен не каждый преемник из великих орденов вроде Куньлунь Юйсуй. А ты ведь всего лишь бродячий практик, выживший лишь благодаря грабежам да убийствам, не знавший наставников.

Она пригасила пламя и посмотрела на противника:

— Ты храбр, Сюй Гуанчэн. Ты знаешь, что тебе со мной не совладать, и всё же лезешь в драку.

— Это не просто храбрость. Я уверен, что смогу победить.

— Победить меня? Откуда такая уверенность? Кто тебе её внушил — уж не Лян Цзинжу ли в своих песнях?

Феникс отпустила колкую шутку, но в наступившей тишине никто даже не улыбнулся.

— Большинство практиков, встречая противника сильнее себя, заранее сдаются страху, — спокойно ответил Сюй Гуанчэн. — Они принимают удары, пока не окажутся при смерти, и лишь тогда пытаются огрызнуться. Это выглядит жалко, как попытка муравья пошатнуть дерево. Я другой. С того дня, как я вступил на путь Дао, во мне нет ни страха, ни благоговения.

Всё, чего я желаю, станет моим. И неважно, кто встанет на пути.

— Какая самонадеянность. Жаль только...

Феникс лишь пренебрежительно хмыкнула. Сюй Гуанчэн в ответ лишь тонко улыбнулся. Его пальцы задвигались, словно перебирая невидимые струны на весеннем ветру. В такт этому движению мечи задрожали, издав чистый, режущий звон, и...

Рванулись вперед!

Тонг! Тонг! Тонг!

Золотые нити, оплетавшие клинки, неслись на Феникса. Она мгновенно посерьезнела. Золотые крылья взметнулись, всколыхнув саму энергию мира, и небеса снова содрогнулись от её крика.

Мечи, не выдержав жара истинного пламени Феникса, раскалялись докрасна и размягчались. Золотые путы под тяжестью её подавляющей мощи истончились и рвались.

Заметив это, Сюй Гуанчэн вскинул рукава. Пальцы замелькали, сплетая печати с невероятной скоростью.

— Ом мани падме хум! — прогремел его голос.

Слова истинного заклинания мгновенно стабилизировали рушащийся строй. Лотосы, расцветавшие под его ногами, сорвались с мест и вплавились в Великий массив Тюрьмы Демонов «Медный горн Неба и Земли».

Ситуация переменилась в мгновение ока. Золотая энергия вспыхнула с новой силой, неодолимым кольцом сжимаясь вокруг великого Феникса.

— Жалкое мерцание смеет тягаться с блеском солнца и луны! — в ярости вскричала она. Её тело окутало пламя, ставшее в мириады раз ярче самого солнца. Она бросилась прямо на Сюй Гуанчэна.

И в этот миг...

На краю небосвода показалась полоса черных туч. Она медленно наползала на мир, неся в себе такую сокрушительную мощь, что звери Шаньхай, едва взглянув на неё, теряли всякую волю к сопротивлению.

Это он!

Он пришел!

Эта мысль пронеслась в голове у каждого. Даже Феникс замерла, и в её глазах отразился неподдельный ужас.

«Невозможно! Большой босс не вмешивался в дела мира сотни лет... Как он мог явиться... ради него?!»

Но какими бы ни были её страхи, реальность уже обрушилась на них. Там, где проплывал черный туман, всё живое склонялось в земном поклоне.

***

Пока Сюй Гуанчэн и У Хуан сражались внутри барьера не на жизнь, а на смерть, Чжун Учунь мучительно размышлял над одним крайне серьезным вопросом.

Уволиться или остаться?

Уволиться — значит уйти отсюда, снова рассылать резюме на обычных сайтах, стать рядовым офисным клерком и следующие сорок лет забивать голову мыслями о счетах за квартиру и ценах на масло.

Остаться — значит окончательно потерять контроль над собственной жизнью. Случаи, когда Мать призраков превращает тебя в лилипута, станут обычным делом. Можно и вовсе лишиться головы. С другой стороны, начальник Сюй обещал его защищать, да и коллеги в Центре питомцев «Шаньхай» до сих пор проявляли к нему удивительную заботу.

Ему хотелось вернуться к спокойной жизни, но в то же время его тянуло остаться в мире Шаньхай, чтобы изучать его тайны и чудеса. Ведь такой шанс выпадает раз в жизни.

— Если не знаешь, что выбрать, просто брось жребий или монетку.

Глубокий, бархатистый голос раздался прямо за спиной. Чжун Учунь обернулся.

К нему шел мужчина в безупречном деловом костюме. Настоящий социальный эталон: одежда сидит как на манекене, каждый волосок уложен в идеальную прическу, черты лица — до странного правильные. Его внешность была настолько выверенной и стандартной, что напоминала сгенерированное нейросетью лицо — красивое, но совершенно лишенное индивидуальности.

— Вы...

— Я твой Большой босс, — мужчина протянул руку. — Фамилия Цзи, имя Цзюнь. Впрочем, чаще меня называют Ди Ку.

— Цзи Цзюнь... Ди Ку... Это имя... — Чжун Учунь невольно вздрогнул.

Ему меньше всего хотелось заводить новые знакомства с очередным божеством из «Книги гор и морей»!

— Нанимать людей на работу было моей идеей. Я хотел, чтобы так иносущества поняли, насколько люди могут быть милыми, и начали заводить с вами дружбу, — произнес Цзи Цзюнь (или Ди Ку). — Не думал, что это решение доставит тебе столько хлопот. Искренне сожалею об этом.

— Нет-нет, что вы, я не в обиде. Все очень заботятся обо мне, да и выглядят как обычные люди...

Голос Чжун Учуня становился всё тише.

Лицо Ди Ку озарила едва заметная, «цифровая» улыбка. Он достал монету Даци Тунбао, вложил её в руку Учуня и предложил:

— Решим всё подбросом монеты. Орёл — остаешься, решка — увольняешься. Идет?

— А... монета без подвоха?! — Чжун Учунь подозрительно посмотрел на Ди Ку.

Древний император китайских мифов снова улыбнулся:

— В тебе нет того веса, ради которого мне стоило бы мошенничать.

Чжун Учунь смущенно опустил голову. Он сжал монету в ладонях, несколько раз встряхнул и с силой подбросил.

Звон!

Монета упала на пол. Решка.

Учунь опешил:

— Как же так...

Он быстро поднял Даци Тунбао, внимательно осмотрел её, убедился, что это обычная медь, и... подбросил снова!

Звон!

Снова решка!

Да что же это такое!

Пораженный Чжун Учуань снова схватил монету, готовясь к третьему броску.

— Зачем бросать в третий раз?

— Потому что... потому что... нужно до трех побед! Результат из пяти бросков будет точнее.

Он сам не понимал, почему несет эту чушь. Возможно, он просто не ожидал двойной неудачи, а может, в глубине души он просто не хотел расставаться с этим опасным, полным загадок миром.

Ди Ку усмехнулся:

— Что ж, раз так — бросай третий раз.

Чжун Учуань кивнул. Он зажал монету в руках, на мгновение поднес к лицу, словно в короткой молитве, и... со всей серьезностью подбросил её в воздух.

Драгоценная монета описала идеальную дугу и со звонким «дзынь» приземлилась.

Чжун Учуань боялся опустить взгляд. Он боялся увидеть результат, который лишит его всякого оправдания, чтобы остаться. Но смотреть пришлось — монета принадлежала Ди Ку, и её нужно было вернуть.

— Не бойся так, самое худшее — ты просто уволишься, — подбодрил его Ди Ку. — Двери мира Шаньхай не закроются для тебя навсегда. Если не станешь трепаться о нашей компании на каждом углу, сможешь заходить к друзьям на чай. Или даже вернуться в штат.

— Уйдя, можно вернуться?!

— Конечно. В Центре питомцев «Шаньхай» это обычное дело. У иносуществ жизнь длинная, а характер переменчивый... Босс должен быть великодушным. В конце концов, даже самый несносный зверь, если он согласен на учет и контроль, в десять тысяч раз лучше тех бродяг,

что шныряют повсюду и строят козни.

Слова Ди Ку наконец успокоили Чжун Учуаня. Он опустил взгляд. Монета по-прежнему лежала решкой вверх. Он выдохнул:

— Похоже, сама судьба хочет, чтобы я ушел.

— Значит, оформляем увольнение, — кивнул Ди Ку. — С У Хуан я договорюсь сам.

— Но...

«Я не хочу уходить».

Эти слова прозвучали в самой глубине души Чжун Учуаня. Пока он не подбрасывал монету, его терзали сомнения. Но когда медь трижды приказала «уйти», он вдруг понял, что должен остаться. И это не было духом противоречия или глупым упрямством.

Просто... где еще он найдет такой искренний и простой коллектив? Таких коллег, чье гостеприимство иногда даже трудно вынести?

Да, они и людьми-то не являются, но...

Неужели прав был тот старый профессор, с которым он столкнулся на практике в прошлом году? Старик всю жизнь посвятил спасению вымирающих видов и говорил: «Чем дольше живешь среди зверей, тем меньше хочется иметь дело с людьми». Сердце человеческое слишком запутанное. У животных всё проще — даже когда они строят козни, в этом есть какое-то нелепое очарование.

— Спасибо за заботу, но насчет увольнения я бы хотел еще раз серьезно подумать, — произнес Чжун Учуань. — Всё-таки это моя первая работа. Мой первый раз...

— Первый раз... — Ди Ку улыбнулся той самой многозначительной улыбкой, которую мужчины понимают без слов. — Это слово имеет особый смысл для каждого.

Чжун Учуань с облегчением выдохнул:

— Я пойду отдохну. Завтра дам окончательный ответ.

— Скажешь У Хуан. Я редко заглядываю в офис.

Ди Ку посмотрел на него почти по-отечески:

— Хочешь спросить что-нибудь еще?

— Ну... — Чжун Учуань замялся, но всё же решился. — Господин Цзи, ваше лицо... оно такое от рождения? В «Книге гор и морей» сказано...

— Этот вопрос... ха-ха... — Ди Ку сухо рассмеялся. — Я не какой-нибудь ретроград. Я люблю идти в ногу со временем.

Он покинул клинику. Чжун Учуань остался стоять, сжимая в руке монету Даци Тунбао, которую в суматохе мыслей забыл вернуть. На душе у него было беспокойно.

<http://bllate.org/book/17482/1695683>